

Т. Г. Куницкая

(Минск, Белорусский государственный университет)

ЖАНР «ПОРТРЕТНОГО» СТИХОТВОРЕНИЯ В ЛИРИКЕ ИОГАННЕСА БОБРОВСКОГО

...Идет по земле дозором мой стих.
И. Бобровский. «Гертруда Кольмар»

Лирика Иоганнеса Бобровского – одно из самых примечательных явлений в литературе послевоенной Германии. Необычайная манера этого поэта превратила лирику в нечто особенное, по-настоящему новое в литературе. Его произведения полны динамики, живых образов природы, чрезвычайно живописны. Стихи Бобровского на самом деле «идут дозором», не давая забыть прошлое, напоминая тем самым, что у того, кто забыл прошлое, нет будущего.

И. Бобровский – писатель, чьи произведения, по словам Стефана Хермина, «дышат братством народов»; но кроме того они дышат еще и необычайной живостью, у них есть душа, которая переживает, болеет, мучается. Каждое из стихотворений поэта имеет свой неповторимый облик. Вместе с тем они создают органичную целостную картину. Как отмечает белорусский германист, исследовательница творчества Бобровского Г. В. Синило, «все лирические стихотворения Бобровского обнаруживают теснейшую внутреннюю связь, являясь своеобразными частями огромного лирического целого, гигантского ландшафта, в который вписаны судьбы отдельных людей и целых народов» [1, с. 248].

Иоганнесу Бобровскому суждено было родиться и творить в очень непростое время. Это было время, когда Германия переживала период своего государственного самоопределения, а позже была достигнута волной нацизма. Несмотря на то, что писатель родился на территории Литвы, в Тильзите, он остро чувствовал свою принадлежность к немецкому народу, хотя и считал, что все люди – братья, что невозможно выделить какой-либо народ. Живя на территории Прибалтики, на землях между Неманом и Вислой, поэт не мог навсегда не влюбиться в красоту этой природы, что и отразил не в одном своем произведении. Одним из них является стихотворение «Западная Двина»:

Здесь утро без конца
и ветер без начала.
Подернут дымкой
старинный городок.
Дремучие кусты. Зеленая ограда

студеных берегов. Погоня
ласточек к зениту
за лучом...

(Здесь и далее перевод Г. Ашкинадзе) [2, с. 262]

Утро, у которого нет конца, ветер, который не имеет начала, – все это говорит о просторе для души, открываемом природой, об огромности природного пространства и слиянии с ним человека. Погоня ласточек за лучом говорит о беззаботности. Вся природа у Бобровского полна гармонии. Здесь же, дальше, поэт пишет:

...Хочу
дышать дыханьем рек,
пить родники,
земное пить,
ртом припадая к тайнам
глуби,
укрытым в травах... [2, с. 262]

В этих строках отражается бесконечная любовь Иоганнеса Бобровского к природе, ко всему, чем она наполнена. Природа у него оживает: она, как человек, дышит, чувствует, умеет хранить тайны. Особенной эта любовь была к местам, где он вырос. Когда-то эти территории заселяли сарматы, а позже здесь жили бок о бок литовцы и поляки, цыгане, евреи и немцы. «Этой земле, где родился писатель, он отдал всю свою художническую любовь», – подчеркивает российский германист В. А. Пронин [3, с. 344].

Тематика произведений Бобровского необычайно разнообразна, а формировалась она во многом под влиянием событий детства. Многие его произведения воспевают запечатленные в памяти образы природы, когда поэт ребенком всматривался в ее необычайно загадочный мир. Подчеркивая многомерность таланта и наследия Бобровского, Г. В. Синило пишет: «Поражает интенсивность творчества Бобровского и его многообразие. Филигранно отточенная в каждой детали, предельно лаконичная новеллистика; исполненные эпической простоты и в то же время интеллектуально перенасыщенные, перегруженные литературными аллюзиями и реминисценциями, пронизанные музыкальными лейтмотивами и сложнейшей полифонией романы, стоящие на уровне прозы Дж. Джойса и Т. Манна; и, наконец, акварельно-прозрачная, лаконично-скупая и одновременно изысканно-метафоричная лирика» [1, с. 241–242].

Огромное влияние на творчество Бобровского оказала Вторая мировая война, став для него тем, что забыть нельзя, что долгое время будет заставлять его чувствовать вину; собственно, искуплению этой вины он во многом и посвятит свое творчество. Как позже признавался Бобровский, все

его творчество было следствием «военной контузии» – невероятно сильного чувства вины: «Я пишу о вине – германской вине и пытаюсь пробудить симпатию к литовцам, русским, полякам и другим народам» [4, с. 31].

Все произведения Бобровского написаны в особой технике, которую Г. В. Синило именует «техникой номинации» (см.: [5]). Часто все стихотворение представляет собой ряд номинативных предложений; нередко одно слово выносится в первую строку отдельно, как бы очерчивая тему стихотворения, как, например, в стихотворении «Памятный листок» («Gedankenblatt»):

Jahre,
Spinnenfäden,
die großen Spinnen, Jahre... [6, с. 19]

Годы,
Как паутина,
Годы. Паучье время...
(Перевод Е. Витковского) [2, с. 266]

Автор первым же словом погружает читателя во время страшной трагедии – во время войны. Он приоткрывает этим словом тему, настраивает читателя на ее восприятие.

Первые стихотворения Бобровского появились у берегов Ильмень-озера и под стенами Новгорода в военные годы. Это были оды, написанные алкеевой и сапфической строфами. Именно такие достаточно строгие формы дали возможность поэту запечатлеть русский ландшафт, в который так варварски ворвались смерть и разрушение. Позже Бобровский вспоминал: «Я хотел... запечатлеть русский ландшафт... Этот ландшафт, который был так хорошо мне знаком, ведь я вырос где-то рядом, но который тогда – и прежде всего благодаря обстоятельствам, приведшим меня вновь на Восток, – совершенно по-новому и ошеломляюще открылся для меня, – этот ландшафт я хотел изобразить. Я пытался сделать это с помощью рисунка, прозы. В конечном счете я нашел вспомогательное средство: греческая ода, которую вводили на немецкой почве Клопшток и Гёльдерлин. В этой форме (алкеева, сапфическая строфа) возникли мои первые опыты» [4, с. 68–69].

Иоганнес Бобровский никогда не поддерживал насилия, но по воле судьбы ему довелось сражаться в рядах армии нацистской Германии. В это время он начал писать особенно много; поэзия – вот что было его отдушиной. Вся боль автора вылилась в строки, проникнутые отчаянием и страданием. Порой кажется, что ему удалось невозможное: в его строках слышен плач души. Одним из таких стихотворений является «Кафедральный собор в 1943 году». Появилось оно тогда, когда часть, где писатель был связистом, командировали в Новгород – город, который он полюбил еще в детстве. Бобровский отчаянно пытался предотвратить разрушения, бесчеловечное

насилие, срывая операции, предпринимая попытки быть отозванным из армии. Читая стихотворение «Кафедральный собор в 1943 году», мы чувствуем, как страдает автор от того, что ему поручают выжигать, губить землю, которой он так восхищается; он неспособен на это, ему больно смотреть, как его соотечественники рушат храм; ему не хочется верить, что для них не существует ничего святого:

Die wir sahn:
über dem Winterstrom,
über der Wasser reissender
Schwarze, Sophia, klingendes
Herz der verdüsterten Nowgorod.
(Цит. по: [7, с. 26])

И услышали мы:
над зимним потоком,
над волнами взорванной
черноты гремит София,
омраченного Новгорода сердце.
(Перевод Г. Ашкинадзе) [8, с. 46]

Это стихотворение очень точно демонстрирует, что ощущает автор. Вместе с тем, как «гремит София, / омраченного Новгорода сердце», болит и сердце самого автора. Перед нами ясно предстает картина разрушенного храма в клубах черного дыма, остро ощущается весь трагизм тех событий. Этот эффект помогают создать слова, обозначающие оттенки. Так, волна взрыва у автора не просто темная, она представляет собой «черноту», сердце Новгорода – омраченное, то есть также имеет «смертельный» оттенок – мрак, черный, как беспросветная ночь.

Еще одним стихотворением, где упоминается Новгород, его ландшафты, является «Призыв». Оно относится к раннему циклу поэта «Новгород в 1943 году». Очень емкую характеристику этому стихотворению дает Г. В. Синило: «Благородное, торжественно-волнообразное – и, на первый взгляд, совершенно противоестественное в этой ситуации – звучание древней алкеевой строфы позволяет поэту еще резче оттенить весь ужас и абсурдность происходящего и выразить тоску по гармонии, смутную надежду на мир, кажущийся почти недостижимым» [1, с. 249]:

Hoch überm See die schweigende Nowgorod.
Noch sinne ich das wohl, und es zieht das Herz
Sich mir zusammen, – und doch ist ein
Frieden bereitet in der Zerstörung.
[7, с. 25]

На крутизне безмолвствует Новгород
Я вижу все, и сердце сжимается
От боли, но и в разрушеньи
Чудится мне дуновение мира.
(Перевод Г. Ратгауза) [9, с. 156]

Здесь ощущается все та же острая боль автора, но вместе с тем и вера в то, что мир придет и безмолвствующий Новгород снова оживет, поднимется из руин. Как видим, ландшафты у Бобровского предстают как одухотворенные, живые существа. Они плавно перетекают в «портреты» природы, и такие стихотворения уместнее назвать «портретными», нежели стихотворениями пейзажной лирики. И чаще всего в этот «пейзаж-портрет» вписан духовный портрет конкретного человека.

Жанр «портретного» стихотворения в лирике Бобровского занимает особое место. Все его стихи обращены к памяти. Как отмечает Г. В. Синило, «каждая названная вещь, каждый элемент пейзажа необходимы, чтобы обнаружить связь времен, разбудить нашу память, оживить забытое, прочувствованное, пережитое – и не только в индивидуальном опыте, но и в опыте поколений» [1, с. 254]. Есть в творчестве поэта ряд стихотворений, которые уже в своем названии несут имя адресата, того, чью память хочет почтить поэт. Ярким примером такого стихотворения является «Гертруда Кольмар». Оно посвящено немецкой и еврейской поэтессе, которая погибла в фашистском концлагере:

Buche, blutig im Laub,
in rauchender Tiefe, bitter
die Schatten, droben das Tor
aus Elstergeschrei.
Dort ist eine gegangen,
Mädchen, mit glattem Haar,
die Ebene unter den Lidern
lugt herauf, in den Mooren
vertropfte der Schritt.
Ungestorben aber die
finstere Zeit, umher geht
meine Sprache und ist rostig
von Blut.
Wenn ich deiner gedächte:
vor die Buche trat ich,
ich hob befohlen der Elster:
schweig, es kommen, die hier
waren – wenn ich gedächte?
Wir werden nicht sterben, wir
werden
mit Türmen gegürtet sein... [10, с. 744]

Кровавые пятна в листве
бука, и зелень дымится.
Тень горька, и ворота скрипят
голосами сорок.

В эти ворота ушла
девушка с гладким пробором.
Из-под тяжелых век
глядела равнина, в болотах
затерялись шаги.

Но не хочет уйти
темное время. И ржавый
от крови, идет по земле
дозором мой стих.

Чем я тебя помяну?
Я стану под буком.
«Замолчи, – велю я сороке, –
сейчас вернутся сюда
ушедшие». Чем я тебя помяну?

«Мы не умрем, мы будем
опоясаны башнями».
(Перевод Г. Ратгауза) [2, с. 265]

Это стихотворение проникнуто болью утраты, скорби, но вместе с тем и некоторой беспомощностью, потому что все, что может сделать автор, – это отправить «дозором» «ржавый от крови» свой стих, который, как он надеется, всколыхнет людские души, заставит задуматься, что кроется за страшными скрипучими воротами, из которых живыми не выходят. Тем не менее слышится здесь и вера автора в победу добра, торжество справедливости, чувствуется его твердая решимость бороться. Слово его будет крепнуть, набатом стуча о том, что война, геноцид должны навсегда прекратиться. Г. В. Синило пишет: «Стих идет дозором по земле и сохраняет память об ушедших – так постулирует Бобровский задачу своей поэзии» [1, с. 262]. По мысли поэта, поэзия должна «стать средством искупления и очищения, средством спасения от забвения» [1, с. 244].

В стихотворении «Гертруда Кольмар» мы видим не только и не столько портрет девушки, которая стала жертвой нацизма, а скорее и даже прежде всего «портрет» природы, которая не по своей воле стала свидетелем не одной смерти. Ее образ тоже полон печали, листва от множества смертей стала кровавой, а равнина глядит из-под тяжелых, как будто от пролитых слез, век. Она отчаянно переживает, томится в муках за людей, которых уже не вернуть, но ничего поделать не может: в болоте, имя которому concentra-

ционный лагерь, затерялись очередные шаги ни в чем не повинного человека. Автору хочется помянуть погибшую поэтессу, и делает он это при помощи последних строк, взятых из стихотворения Г. Кольмар «Еврейка»: «Мы не умрем, мы будем / опоясаны башнями». Это лучшее, что можно было сделать для поэтессы, ведь не только в ее собственных произведениях, но и в стихах Бобровского она будет жить вечно, ведь подлинное поэтическое слово бессмертно.

Однако у Бобровского есть стихотворения, название которых не указывает на адресата. Таковым является «Сообщение» («Bericht»), по поводу которого Г. В. Синило замечает: «В присущей ему прегнантной манере Бобровский может через минимальное количество строк передать целую трагедию, заставляя читателя остро чувствовать и даже видеть, то, что сквозит между строк, то, что осталось за пределами стихотворения, “за кадром”, как в протольно-сухом “Сообщении”, написанном в типичной для поэта “номинативной” технике» [1, с. 264]:

Байла Гельблунг,
бежавшая с эшелона
из Варшавского гетто,
девочка,
блуждала она по лесам
с оружием, и партизанку
схватили
вблизи Брест-Литовска,
она была в польской шинели,
ее допросили немцы,
офицеры, осталось
фото: молоды офицеры,
мундиры их безупречны,
безукоризненны лица,
выправка их
безупречна.

(Перевод В. Куприянова) [2, с. 266]

Это стихотворение – одно из тех, где портрет человека рисуется не через описание внешности, а через сухую, протокольную запись событий, через действия девочки и тех, кто захватил ее в плен. В воображении читателя четко прорисовывается образ маленькой перепуганной девочки, но вместе с тем и полной недетской отваги, раз она сумела сбежать из гетто. Уже само по себе то, что она партизанка, говорит о ее решимости, смелости, мужестве. Контрастом этой маленькой, щуплой девочке предстают немецкие офицеры, «мундиры которых безупречны, безукоризненны лица, выправка безупречна». Такая точная, лаконичная характеристика автора указывает на то, что это люди, которые не знают, что такое сочувствие, жалость, они полны нечеловеческой жажды крови, жестокости.

Единый портрет природы и человека сумел создать Иоганнес Бобровский в стихотворении «Родина художника Шагала» («Die Heimat des Malers Chagall»):

Noch um die Häuser
der Wälder trockener Duft,
Rauschbeere und Erdmoos.
Und die Wolke Abend,
sinkend im Witebsk, aus eigener
Finsternis tönend. Ein schütt'res
Lachen darin, als der Ahn
lugte vom Dach
in den Hochzeitstag.
Und wir hingen in Träumen.
Aber es ist Verlässliches
um unserer Väter Heimatgestirne
gegangen,
bärtig, wie Engel, und zitternden Mundes,
mit Flügeln aus Weizenfeldern.

Nähe des Künftigen, dieser
brennende Hörnerschall,
da es dunkelt, die Stadt
schwimmt durch Gewölk,
rot. [10, с. 743]

Еще овая дом
хвойным дыханьем сухим,
запахом мха, земляники.
Вечер облаком
опустился на Витебск во мгле
певучей. В ней чудится робкая
улыбка, с которой прадед
с крыши
на свадьбу смотрел.
И мы парили в мечтах.
Но, как родные созвездья отцов,
явилась нам ясная вера, –
ангелом чернобородым
с живыми устами,
с крыльями цвета пшеницы.

Так близко грядущее, словно
огненный рог затрубил
в час, когда темнеет, и город
в красных
тучах плывет.

(Перевод В. Куприянова) [11, с. 341]

В данном стихотворении Бобровский демонстрирует слиянность природы и человека. За образом чернобородого ангела с крыльями цвета пшеницы угадывается Марк Шагал, парящий над Витебском, и мотивы его полотен. Когда мы читаем стихотворение, невольно вспоминаются произведения самого Шагала: яркие, невесомые, сказочно-прекрасные. Уже в начале текста чувствуется обращение Бобровского к творчеству Шагала. Он использует те же краски для своего «портретного» стихотворения, что и Шагал в своих картинах: красно-розовый – для земляники, зеленый – для мха, красный – для туч, золотой – для пшеницы.

Таким образом, все творчество Иоганнеса Бобровского представляет собой огромную «галерею», в которой собрано множество портретов. На них изображены люди, вписанные в ландшафты. Все они объединены тем, что и люди, и природа способны чувствовать, сопереживать. Образы как людей, так и природы яркие, необыкновенно живы, в них есть душа. Все творчество Бобровского проникнуто идеей единения природы и человека. Сам поэт признавался: «Меня привлекает не ландшафт как таковой, но ландшафт лишь в связи с человеком и как поле деятельности человека» [4, с. 67]. Благодаря своему мастерству и искреннему чувству Иоганнес Бобровский стал тем писателем, который учит наблюдать, понимать чувства человека, природы, учит сопереживать, вслушиваться, не просто смотреть, а видеть.

Литература

1. Синило, Г. В. Еврейская тема в поэзии Иоганнеса Бобровского / Г. В. Синило // Научные труды по иудаике : в 2 т. М., 2012. Т. 2. С. 240–267.
2. Поэзия ГДР / сост. и критико-биограф. заметки об авторах Г. Ратгауза; предисл. и ред. переводов Л. Гинзбурга. М., 1973. – 480 с.
3. Пронин, В. А. История немецкой литературы / В. А. Пронин. М., 2007. – 386 с.
4. Johannes Bobrowski : Selbstzeugnisse und Beiträge über sein Werk. Berlin, 1967. – 427 S.
5. Синило, Г. В. Функция ландшафта и техника номинации в лирике Иоганнеса Бобровского / Г. В. Синило // Контексты мировой культуры : сб. науч. статей к 70-летию профессора А. А. Гугнина / Полоцкий гос. ун-т; отв. ред. Д. А. Кондаков. Новополюк, 2011. С. 166–177.
6. Bobrowski, J. Im Strom : Gedichte und Prosa / J. Bobrowski. Berlin, 1989. – 94 S.
7. Wolf, G. Johannes Bobrowski : Leben und Werk / G. Wolf. Berlin, 1967.
8. Бобровский, И. Избранное / И. Бобровский; предисл. Ю. Архипова; ред. стихотв. переводов К. Богатырева. М., 1971. – 446 с.
9. Бобровский, И. «И руку тебе подает зовущий...» : стихотворения / И. Бобровский; пер. Г. Ратгауза // Немига литературная. 2000. № 1. С. 156–160.
10. Haufs, R. Der Lyriker Johannes Bobrowski / R. Haufs // Gewerkschaftliche Monatshefte Köln, 1963. S. 739–746.
11. Куприянов, В. Г. Зарубежная поэзия в переводах Вячеслава Куприянова / В. Г. Куприянов. М., 2009. – 886 с.